
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 3—24
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 3—24
ББК60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В. Н. Архангельский^{a, b}, Т. К. Ростовская^{a, c}, Е. Н. Васильева^d

^a Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, archangelsky@yandex.ru

^b Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

^c Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва, Россия

^d Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Актуальность исследования влияния уровня жизни на репродуктивное поведение мужчин и женщин обусловлена сложностью демографической ситуации на национальном уровне, противоречивостью репродуктивного поведения россиян, необходимостью разработки прогнозных гипотез рождаемости, а также определения институциональных решений, которые могут быть использованы для принятия новых мер в рамках государственных программ увеличения рождаемости в Российской Федерации. Эмпирической базой исследования выступают данные репрезентативных выборочных обследований: выборочных наблюдений репродуктивных планов населения, которые были проведены Росстатом в 2012 и 2017 гг., а также итоги первой волны всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 — начале 2020 г. под руководством доктора социологических наук, профессора Т. К. Ростовской. Результаты исследования будут использованы в процессе мониторинга и реализации мер семейной политики на микро-, мезо- и макроуровне, при формировании концептуальных и законодательных основ семейной и демографической политики и оценке ее эффективности.

Ключевые слова: индикаторы уровня жизни, демографическая ситуация, репродуктивные ориентации, репродуктивное поведение мужчин и женщин.

© Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation project no. 20-18-00256 «Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia».

INFLUENCE OF THE STANDARD OF LIVING ON THE REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF RUSSIANS: GENDER ASPECT

V. N. Arkhangelskiy^{a, b}, T. K. Rostovskaya^{a, c}, E. N. Vasilieva^d

^a Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, archangelsky@yandex.ru

^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^c Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russian Federation

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

The relevance of the study of the impact of living standards on the reproductive behavior of men and women is due to the complexity of the demographic situation at the national level, the inconsistency of the reproductive behavior of Russians, the need to develop predictive hypotheses of fertility, as well as identify institutional solutions that can be used to develop new measures in the framework of state programs to increase the birth rate in the Russian Federation. The empirical basis of the study is data from representative sample surveys: sample observations of the population’s reproductive plans, which were conducted by Rosstat in 2012 and 2017, as well as the results of the first wave of the all-Russian sociological study “Demographic well-being of Russia”, conducted in late 2019 — early 2020 under the guidance of Doctor of Sociological Sciences, Professor T. K. Rostovskaya. The results of the study will be used in monitoring and implementing family policy measures at the micro-, meso- and macro-levels: forming the conceptual and legislative framework for family and demographic policy; evaluating the effectiveness of family and demographic policy.

Key words: indicators of living standards, demographic situation, reproductive orientation, reproductive behavior of men and women.

Введение

Характерной чертой современного состояния института семьи выступают трансформационные процессы, затрагивающие выполнение семьей всех ее основных функций, в первую очередь репродуктивной [Ростовская, Кучмаева, 2020]. Уровень жизни оказывает существенное влияние на репродуктивное поведение. Он в значительной степени определяет восприятие условий реализации потребности в детях как благоприятных или неблагоприятных для их рождения.

Межстрановой и межрегиональный анализ, многочисленные исследования на уровне семей показывают обратную зависимость между уровнем рождаемости, числом детей в семье и индикаторами уровня жизни, что не раз подтверждалось исследованиями в европейских странах (см., напр.: [Beaujouan, Berghammer, 2019; Lebano, Jamieson, 2020; Salvati et al., 2009; Puig-Barrachina et al., 2019; Овод, 2018]). Безусловно, нельзя утверждать, что более низкий уровень жизни способствует рождению относительно большего числа детей. В данном случае уместно говорить, вероятно, о иной детерминации: при большем числе детей в среднем имеет место относительно более низкий уровень жизни.

Однако многие исследования показывают, что при более низком уровне жизни в среднем выше и репродуктивные ориентации. Так, И. Э. Киселева, систематизировав научные исследования феномена обратной связи между числом рожденных детей и социальным положением матерей, выявила несколько тенденций, в частности: на фоне повышения уровня жизни происходит сокращение как уровня смертности, так и рождаемости; изменение функций семьи идет параллельно эмансипации женщин; включаются компенсаторные механизмы — снижение рождаемости при повышении уровня жизни ведет к замещению детей домашними животными и др. [Киселева, 2017]. Данные тенденции обусловлены несколькими факторами, например, повышение уровня образования женщин детерминирует увеличение их занятости на рынке труда, что положительно влияет на уровень жизни, но отрицательно на число не только родившихся детей, но и ожидаемых. Таким образом, идея о том, что женщина хочет иметь много детей, но ей недостаточно материальных ресурсов для этого, оказывается несостоятельной. Репродуктивное поведение формируется не только под влиянием прямых стимулов, но и за счет сопоставления женщинами и мужчинами, связанными или не связанными семейными узами, внешних стимулов и внутренних мотивов и ресурсов.

С. В. Щепотьева выделяет несколько факторов, детерминирующих репродуктивные установки и рождаемость, — возраст акторов, материальные условия существования семьи, семейное положение и число детей в семье, тип населенного пункта, религиозные ориентации, занятость женщин вне дома. Указанные факторы определяют следующие индикаторы демографических процессов, на основе которых фиксируются основные тенденции демографического перехода в России, — идеальное, желаемое, ожидаемое и реальное число детей. Сопоставляя данные индикаторы, С. В. Щепотьева отмечает, что показатели идеального и желаемого числа детей всегда ниже показателя реального числа детей, а респонденты, оценивающие материальное положение семьи как очень плохое, имеют высокие показатели идеального и желаемого числа детей [Щепотьева, 2010].

Ответ на вопрос о том, в какой степени уровень жизни в настоящее время влияет на репродуктивное поведение россиян, могут дать итоги первой волны всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., а также данные выборочных наблюдений репродуктивных планов населения, которые были осуществлены Росстатом в 2012 и 2017 гг.

Методология исследования

Методологическая база исследования демографических процессов достаточно проработана. О. А. Козлова и Е. И. Левина выделяют пять основных подходов (экономический, социально-психологический, историко-описательный, эколого-биологический, социоэкономический), которые позволяют комплексно формулировать повестку социально-экономической и демографической политики государства [Козлова, Левина, 2019]. Каждый из представленных подходов можно назвать целостным, но недостаточным для формирования полной картины о трансформации репродуктивного поведения как основного результата демографических переходов.

А. И. Кузьмин предлагает рассматривать процесс демографического перехода в рамках институциональных и неинституциональных концепций [Кузьмин, 2013]. Институциональные теории позволяют исследовать изменение репродуктивного поведения под влиянием таких социально-экономических факторов, как инфраструктура, нормативные документы, регулирующие социально-экономическую поддержку семей с детьми, рынок труда, образования, досуга и т. д. Однако ценностные ориентации формируются не только благодаря институциональной среде, но и вопреки. Речь идет о том, что институциональные ресурсы, например меры финансовой поддержки, вводятся, чтобы стимулировать рождаемость, но в некоторых случаях оказываются неэффективными.

Интересный взгляд на институциональные факторы предлагают З. Х. Саралиева и А. В. Щекотуров [Саралиева, Щекотуров, 2015]. Авторы оценивают институты и агентов социализации (массмедиа, школа, друзья и значимые сверстники, семья) в фокусе гендерной чувствительности подростка. Данный подход не говорит о проблемах рождаемости, но применим к исследованию трансформации репродуктивного поведения, так как именно под влиянием информационной среды и близкого окружения формируются установки на рождение детей и гендерные различия акторов.

Д. А. Шпилев, анализируя комплексный гендерный подход в немецкой социологии, в первую очередь отмечает, что гендерные теории ставят своей целью устранение институциональных и структурных элементов, ведущих к ущемлению прав женщин. Во вторую очередь говорит о том, что гендерное равноправие в молодежной среде систематически нарушается: в сфере образования (большой процент девушек не завершают образование), при выборе профессии в вузе (спектр выбираемых девушками профессий уже) и, как следствие, на рынке труда [Шпилев, 2013]. Все эти факты позволяют сделать обоснованный вывод: уровень образования, профессия и место на рынке труда влияют на уровень жизни и репродуктивное поведение женщин иначе, чем на уровень жизни и репродуктивное поведение мужчин. Необходимо рассматривать эти переменные как факторы, определяющие уровень жизни актора, и соотносить с установками, полученными мужчинами и женщинами в процессе социализации, что позволяет сделать вывод об эффективности институтов, определяющих социальное благополучие населения и влияющих на демографические процессы.

Е. В. Кабашова предлагает анализировать уровень жизни опираясь на теорию Дж. Р. Хикса и учитывать доход как максимальное количество средств, которое индивид может потратить в течение данной недели и которое он планирует тратить в течение каждой следующей недели [Кабашова, 2013]. При этом доходы складываются из официальных источников (заработная плата и т. д.) и неофициальных (поддержка родственников, личное подсобное хозяйство и т. д.). Е. В. Кабашова систематизирует методологические установки исследования связи рождаемости и уровня жизни: чем выше доходы, тем ниже рождаемость (обратная зависимость); чем выше доходы, тем выше рождаемость (прямая зависимость); рождаемость повышается с ростом дохода до тех пор, пока не будет достигнут определенный уровень насыщения, после которого рождаемость снижается; демографическое поведение автономно, так как обусловлено культурой и моралью, а значит, не зависит от ситуативных факторов, таких как уровень

дохода. Доходы не являются основным показателем уровня жизни, не менее важный показатель — инфраструктура, коротая существенно различается в городе и сельской местности. Сравнивая статистические показатели уровня жизни и рождаемости в Республике Башкортостан и в Российской Федерации за 1991—2011 гг., автор приходит к выводу о различиях между корреляционными зависимостями (континуум: сильная — средняя — слабая связи) исследуемых показателей в сельских поселениях и в городах.

О. В. Гокова и М. А. Клупт выявляют зависимость рождаемости и уровня жизни семьи от типа пронаталистской политики (поощрение рождаемости экономическими методами, отношение государства к занятости женщин, разводам, легализации абортотв и т. д.) [Гокова, 2016; Клупт, 2018]. М. А. Клупт делает вывод о прямой зависимости рождаемости от политической системы государства. С этим можно согласиться, так как именно комплексность семейной и демографической политики государства определяет уровень жизни населения — доходы, гендерное равенство, инфраструктуру, меры поддержки семьи и т. д.

В современной России перед научным сообществом стоит серьезная задача — найти механизмы, позволяющие уравновесить репродуктивные установки и уровень жизни семьи, сгладить обратные и прямые зависимости рождаемости от уровня жизни. Понятие «уровень жизни» на первый взгляд очень просто операционализируется — достаточно определить абсолютный доход и ввести шкалу самооценки уровня жизни респондентов. Тем не менее между индикаторами, выраженными в числовом значении, и самооценкой уровня жизни респондентов заложены большие разрывы. В первом случае мы получаем данные для сопоставления с определенными статистическими индикаторами уровня жизни населения (средний уровень заработной платы, располагаемые и реальные доходы населения и т. д.), которые чаще всего закладываются в программы стимулирования рождаемости. Во втором случае мы имеем дело с уровнем ценностных и материальных притязаний респондентов, которые и формируют демографическое поведение акторов. В. Н. Архангельский делает важный вывод: высокая субъективная оценка уровня жизни сокращает разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей [Архангельский, 2011].

Таким образом, целью представленного исследования является анализ влияния уровня жизни на репродуктивное поведение россиян. Выводы основаны на анализе массивов, по которым в распоряжении авторов имеются базы микроданных, и статистических данных, представленных на официальных ресурсах Федеральной службы государственной статистики:

— «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», которое было проведено Росстатом в 2012 г. (10 054 человек в 30 субъектах РФ)¹;

— «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2017 г. (15 тыс. домохозяйств с охватом всех субъектов РФ)²;

— всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 — начале 2020 г. в Центральном,

¹ URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 07.05.2020).

² URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 09.06.2020).

Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах коллективом ведущих российских ученых (А. А. Шабунова, Е. Н. Васильева, О. В. Кучмаева, В. Н. Архангельский, О. Н. Калачикова) под руководством доктора социологических наук, профессора Т. К. Ростовской³.

Результаты и научная новизна

Результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г. показывают обратную связь между среднемесячным среднедушевым доходом и желаемым и ожидаемым числом детей, особенно у женщин (табл. 1).

Таблица 1

Число детей и репродуктивные ориентации в группах, различающихся по среднемесячному среднедушевому доходу («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)

Среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Женщины					Мужчины				
	Среднее число детей					Среднее число детей				
	желаемое	ожидаемое	имеющиеся	желаемое еще	ожидаемое еще	желаемое	ожидаемое	имеющиеся	желаемое еще	ожидаемое еще
6000 и менее	2,51	2,12	1,53	0,98	0,59	2,46	2,08	1,45	1,01	0,63
6001—10000	2,26	1,91	1,16	1,10	0,75	2,28	1,88	1,18	1,10	0,70
10001—15000	2,17	1,81	0,93	1,24	0,88	2,25	1,86	1,01	1,24	0,85
Свыше 15000	2,19	1,82	0,81	1,38	1,01	2,26	1,88	0,98	1,28	0,90

При более низком среднедушевом доходе в среднем выше желаемое и ожидаемое число детей. Однако наименьшие величины этих показателей не в группе с наибольшими доходами, а при среднедушевом доходе от 10 до 15 тыс. руб. В несколько большей степени это проявляется у женщин. Разница между значениями среднего желаемого числа детей в этой группе и группе имеющих наименьший доход равна 0,34 у женщин и 0,21 у мужчин, значениями среднего ожидаемого числа детей — 0,31 и 0,22 соответственно.

Казалось бы, более низкий уровень жизни детерминирует ориентацию на рождение относительно большего числа детей и, следовательно, демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, должна способствовать снижению уровня жизни. Очевидно, что это не так.

Как и применительно к рассмотренному выше влиянию значимости ценностей на репродуктивные ориентации, в данном случае целесообразно определить влияние уровня жизни на желаемое и ожидаемое еще число детей, т. е. сверх тех, которые уже есть. Во-первых, именно относительно большее число имеющихся детей может обуславливать меньший среднедушевой доход.

³ В нем принимали участие представители различных возрастных групп от 18 до 50 лет (N = 5616).

Во-вторых, решение об их рождении принималось, возможно, при ином уровне жизни семьи, чем тот, который имеет место на момент обследования.

Связь между среднедушевым доходом и желаемым и ожидаемым еще числом детей уже не обратная, а прямая. В группе с доходами свыше 15 тыс. руб. среднее желаемое еще число детей больше, чем у имеющих среднедушевой доход менее 6 тыс. руб., у женщин на 0,40 и у мужчин на 0,27, среднее ожидаемое еще число детей — соответственно на 0,42 и 0,27.

Но при этом наблюдается существенная обратная связь между среднедушевым доходом и средним имеющимся числом детей. При величине дохода 6 тыс. руб. и менее оно больше, чем при доходе свыше 15 тыс. руб., на 0,72 у женщин и на 0,47 у мужчин.

Понятно, что имеющееся число детей зависит от возраста. Поэтому различия между значениями среднего числа имеющихся детей у респондентов с разным среднедушевым доходом корректно рассматривать по возрастным группам (табл. 2).

Таблица 2

Число детей в группах, различающихся по среднедушевому доходу и возрасту («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)

Среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Женщины					Мужчины				
	до 25 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40 лет и старше	до 25 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40 лет и старше
6000 и менее	0,68	1,32	1,77	1,83	1,91	0,19	0,88	1,50	1,57	1,82
6001—10000	0,32	1,02	1,34	1,54	1,54	0,08	0,57	0,99	1,26	1,67
10001—15000	0,26	0,77	1,18	1,27	1,25	0,06	0,38	0,81	1,26	1,58
Свыше 15000	0,19	0,59	0,97	1,21	1,21	0,07	0,37	0,81	1,14	1,52

Как и в целом для всей совокупности респондентов, в рамках возрастных групп при меньшем среднедушевом доходе отмечается большее среднее имеющееся число детей, т. е. выявленная ранее обратная связь между этими характеристиками не обусловлена различиями в возрастном составе групп.

Такой характер связи между среднедушевым доходом и средним имеющимся числом детей может быть вызван тем, что из-за большего числа детей семья имеет меньший среднедушевой доход, и тем, что у респондентов с меньшим доходом изначально была ориентация на относительно большее число детей, которая на момент обследования реализовалась в большем имеющемся числе детей. Поэтому для корректности оценки влияния среднедушевого дохода на репродуктивное поведение необходимо было бы, конечно, учитывать, при каком его уровне принималось решение о рождении уже имеющихся детей.

Согласно теории потребности в детях, эта потребность является ключевым детерминантом репродуктивного поведения. А. И. Антонов отмечает следующую основную его диспозицию: «потребность в детях — ситуация ее удовлетворения — результаты поведения, образующиеся в ходе оценки возникающих ситуаций» [Антонов, 1980: 81].

Уровень жизни — один из важнейших компонентов условий реализации (ситуации удовлетворения) потребности в детях. Поэтому оценивать зависимость от него ожидаемого числа детей корректно в рамках одного и того же желаемого числа детей (табл. 3).

Таблица 3

**Среднее ожидаемое и имеющееся число детей
в зависимости от среднедушевого дохода и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Группа по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
	Среднее ожидаемое число детей			
6000 и менее	1,81	2,47	1,82	2,49
6001—10000	1,79	2,38	1,77	2,34
10001—15000	1,75	2,40	1,80	2,33
Свыше 15000	1,73	2,31	1,78	2,40
	Среднее имеющееся число детей			
6000 и менее	1,24	2,01	1,14	2,11
6001—10000	1,02	1,61	1,05	1,75
10001—15000	0,85	1,30	0,94	1,39
Свыше 15000	0,74	1,19	0,90	1,46
	Среднее ожидаемое еще число детей			
6000 и менее	0,57	0,46	0,68	0,38
6001—10000	0,77	0,77	0,72	0,59
10001—15000	0,90	1,10	0,86	0,94
Свыше 15000	0,99	1,12	0,88	0,94

При одинаковом желаемом числе детей ожидаемое число детей в среднем больше у имеющих более низкий доход. Но в данном случае эта зависимость слабее, чем показанная выше без дифференциации по желаемому числу детей (см. табл. 1). Значения среднего ожидаемого числа детей различаются в зависимости от желаемого числа детей при одинаковом уровне дохода намного в большей мере, чем при разном доходе, но одинаковом желаемом числе детей.

Однако это проявляется только в отношении ожидаемого числа детей, которое включает уже имеющихся. Если же говорить о тех детях, которых респонденты собираются иметь дополнительно, то ситуация иная. Во-первых, существует прямая связь, т. е. при более высоком среднедушевом доходе выше среднее ожидаемое еще число детей. Во-вторых, значения среднего ожидаемого еще числа детей различаются в зависимости от величины дохода в большей мере, чем от желаемого числа детей (при низких доходах ожидаемое еще число детей в среднем даже больше при желаемом числе, равном двум, чем трем и более). Казалось бы, это противоречит теории репродуктивного поведения, рассматривающей потребность в детях как основной детерминант репродуктивного поведения.

Но если обратиться к уже имеющемуся числу детей, которое в значительной мере является результатом реализации данных установок, то здесь наблюдается

гораздо более выраженная обратная связь со среднедушевым доходом, чем с ожидаемым числом детей (включая имеющихся). Различия между значениями имеющегося числа детей при разном доходе сопоставимы с теми, какие отмечаются при разных значениях желаемого числа детей (особенно у женщин). Такая связь могла предшествовать рождению ребенка, но могла и возникнуть после его рождения. Чтобы установить это, нужна информация о том, каким был доход семьи примерно за год или несколько меньше до рождения ребенка. Но она в социологических опросах, как правило, не выясняется.

Помочь здесь может анализ различий в репродуктивных ориентациях в зависимости от дохода у тех, у кого еще нет детей. Среди 10 054 респондентов, опрошенных в рамках «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», таковых почти треть (3149 человек) (табл. 4).

Таблица 4

**Репродуктивные ориентации у респондентов, не имеющих детей,
в зависимости от среднедушевого дохода
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Женщины		Мужчины	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	желаемое	ожидаемое	желаемое	ожидаемое
6000 и менее	2,08	1,76	1,80	1,43
6001—10000	1,97	1,77	1,89	1,50
10001—15000	2,05	1,73	2,03	1,71
Свыше 15000	2,01	1,76	2,01	1,74

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», у бездетных значения желаемого и ожидаемого числа детей в среднем практически не различаются в зависимости от дохода. У мужчин скорее можно говорить о прямой связи: при более высоком среднедушевом доходе больше среднее желаемое и особенно ожидаемое число детей.

Вновь отметим, что зависимость ожидаемого числа детей от дохода (как и от любой другой характеристики условий реализации потребности в детях) корректно анализировать в группах, однородных по желаемому числу детей, которое с определенной степенью условности можно, видимо, трактовать как косвенный индикатор потребности в детях (табл. 5).

Таблица 5

**Среднее ожидаемое число детей у бездетных
в зависимости от среднедушевого дохода и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Группы по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
6000 и менее	1,78	2,64	1,70	2,26
6001—10000	1,83	2,58	1,67	2,32
10001—15000	1,80	2,50	1,82	2,49
Свыше 15000	1,75	2,77	1,81	2,73

По сути дела, только у мужчин с желаемым числом детей три и более имеет место прямая связь между среднедушевым доходом и средним ожидаемым числом детей. Относительно мужчин с желаемым числом детей, равным двум, и женщин в данном случае нет оснований говорить о влиянии дохода на ожидаемое число детей.

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», значения желаемого и ожидаемого числа детей почти не различаются у респондентов с разным среднедушевым доходом в семье: при доходе 6000 руб. и менее разница между их значениями составляет 0,39 у женщин и 0,38 у мужчин, 6001—10 000 руб. — 0,35 и 0,40 соответственно, 10 001—15 000 руб. — 0,36 и 0,39, свыше 15 000 руб. — 0,37 и 0,38. Понятно, что эта разница остается одинаковой независимо от того, включается или не включается имеющееся число детей в расчет желаемого и ожидаемого. Это косвенно свидетельствует о том, что в данном случае от величины среднедушевого дохода практически не зависит оценка условий реализации потребности в детях как более благоприятных или менее благоприятных. То же характерно и для респондентов, не имеющих детей: при доходе 6000 руб. и менее разница между значениями желаемого и ожидаемого числа детей равна 0,32 у женщин и 0,37 у мужчин, 6001—10 000 руб. — 0,20 и 0,39 соответственно, 10 001—15 000 руб. — 0,32 и 0,32, свыше 15 000 рублей — 0,25 и 0,27.

Вероятно, при определении условий реализации потребности в детях люди ориентируются не столько на размер дохода, сколько на свою субъективную оценку уровня жизни. На этот критерий обращали внимание многие российские ученые. В частности, В. А. Борисов отмечал, что «номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития» [Борисов, 1976: 147]. В. А. Белова и Л. Е. Дарский обращали внимание на то, что «именно субъективная оценка материального положения лежит в основе планирования семьи» [Белова, Дарский, 1968: 35].

Таблица 6

Число детей и репродуктивные ориентации в группах по оценке уровня жизни («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)

Само-оценка уровня жизни, баллы	Женщины					Мужчины				
	Среднее число детей					Среднее число детей				
	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще
0—30	2,41	1,92	1,28	1,13	0,64	2,33	1,83	1,16	1,17	0,67
40—60	2,26	1,89	1,11	1,15	0,78	2,28	1,90	1,13	1,15	0,77
70—100	2,27	1,97	1,05	1,22	0,92	2,33	1,98	1,14	1,19	0,84

У женщин, по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», отмечается обратная связь между оценкой уровня жизни и имеющимся числом детей (в данном случае число детей может влиять на оценку уровня жизни) и, наоборот, прямая связь со средним ожидаемым еще числом детей. Чем выше оценка уровня жизни, тем меньше разница между значениями

среднего желаемого и ожидаемого числа детей: 0—30 баллов — 0,49; 40—60 — 0,37; 70—100 — 0,30. Примерно то же имеет место и у мужчин: 0—30 баллов — 0,50; 40—60 — 0,38; 70—100 — 0,35 (табл. 6). Косвенно это может свидетельствовать о том, что более высокая оценка уровня жизни определяет более благоприятное восприятие условий для рождения желаемого числа детей.

По результатам социологического опроса, проведенного в конце 2019 — начале 2020 г., у респондентов с более высокой оценкой уровня жизни больше среднее желаемое и ожидаемое число детей (табл. 7).

Таблица 7

Число детей и репродуктивные ориентации в группах, различающихся по оценке уровня жизни (социологический опрос 2019—2020 гг.)

Само-оценка уровня жизни, баллы	Женщины					Мужчины				
	Среднее число детей					Среднее число детей				
	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще
1—3	2,17	1,63	1,21	0,96	0,42	2,17	1,65	1,07	1,10	0,58
4—7	2,28	1,82	1,07	1,21	0,75	2,21	1,84	0,83	1,38	1,01
8—10	2,37	2,05	0,98	1,39	1,07	2,33	2,12	0,84	1,49	1,28

Разница значений среднего ожидаемого числа детей в крайних группах по оценке уровня жизни (8—10 и 1—3 балла) составляет 0,42 у женщин и 0,47 у мужчин, значений желаемого числа — 0,20 и 0,16 соответственно. Имеющееся число детей при более низкой оценке уровня жизни выше, и поэтому разница его значений и значений желаемого и ожидаемого числа детей в двух крайних группах по оценке уровня жизни в среднем еще больше: для ожидаемого числа детей — 0,65 у женщин и 0,70 у мужчин, для желаемого — 0,43 и 0,39 соответственно.

У респондентов с более высокой оценкой уровня жизни в среднем меньше разница между значениями желаемого и ожидаемого числа детей: 1—3 балла — 0,54 у женщин и 0,52 у мужчин, 4—6 баллов — 0,46 и 0,37 соответственно, 8—10 баллов — 0,32 и 0,21 (табл. 7). Это свидетельствует о том, что при более высокой оценке уровня жизни условия жизнедеятельности воспринимаются как более благоприятные для реализации потребности в детях.

Чтобы устранить возможное обратное влияние имеющегося числа детей на оценку уровня жизни, как и в рассмотренной выше ситуации со среднедушевым доходом, целесообразно определить различия между значениями желаемого и ожидаемого числа детей в зависимости от оценки уровня жизни у бездетных респондентов. По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», чем выше они оценивают уровень жизни, тем больше у них среднее ожидаемое число детей. В существенно большей мере это проявляется у мужчин (табл. 8).

При более низкой оценке уровня жизни в среднем больше разница между значениями желаемого и ожидаемого числа детей: у женщин при его оценке в 0—30 баллов — 0,39, 40—60 — 0,26, 70—100 — 0,23; у мужчин при его оценке в 0—30 баллов — 0,46, 40—60 — 0,33, 70—100 — 0,28 (табл. 8). Косвенно это свидетельствует о том, что при более низкой оценке уровня жизни условия реализации потребности в детях воспринимаются как менее благоприятные.

Таблица 8

**Репродуктивные ориентации у респондентов, не имеющих детей,
в зависимости от оценки уровня жизни
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Женщины		Мужчины	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	желаемое	ожидаемое	желаемое	ожидаемое
0—30	2,06	1,67	1,78	1,32
40—60	1,97	1,71	1,94	1,61
70—100	2,08	1,85	2,04	1,76

По данным всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., у оценивающих уровень жизни выше больше в среднем как желаемое, так и ожидаемое число детей (табл. 9).

Таблица 9

**Репродуктивные ориентации у респондентов, не имеющих детей,
в зависимости от оценки уровня жизни (социологический опрос 2019—2020 гг.)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Женщины		Мужчины	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	желаемое	ожидаемое	желаемое	ожидаемое
1—3	1,39	0,94	1,64	1,36
4—7	2,03	1,67	1,97	1,68
8—10	2,17	1,96	2,11	1,95

Более существенно различаются репродуктивные ориентации при разной оценке уровня жизни у женщин. Разница между значениями среднего желаемого числа детей у оценивших уровень жизни в 8—10 и 1—3 балла составляет 0,78, между значениями ожидаемого числа детей — 1,02. У мужчин эта разница равна 0,47 и 0,59 соответственно.

У респондентов, которые выше оценили уровень жизни, меньше в среднем различаются желаемое и ожидаемое число детей: при оценке в 1—3 балла у женщин разница — 0,45, у мужчин — 0,28; в 4—7 баллов — 0,36 и 0,29 соответственно; 8—10 баллов — 0,21 и 0,16 (табл. 9).

Результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012» показали, что у тех респондентов, кто выше оценивает уровень жизни, при одинаковом желаемом числе детей ожидаемое число детей (включая имеющихся) в среднем больше. Но в значительно большей мере его значения различаются в зависимости от желаемого числа детей (табл. 10).

В отличие от ожидаемого имеющегося число детей в среднем меньше при более высокой оценке уровня жизни у тех, кто хотел бы иметь троих и более детей, и практически не связано с этим фактором у тех, кто хотел бы иметь двоих детей.

Таблица 10

**Среднее ожидаемое и имеющееся число детей
в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Группы по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
	Среднее ожидаемое число детей			
0—30	1,68	2,54	1,73	2,51
40—60	1,77	2,54	1,78	2,58
70—100	1,81	2,67	1,83	2,64
	Среднее имеющееся число детей			
0—30	1,01	1,80	0,96	1,85
40—60	0,97	1,58	1,00	1,68
70—100	0,93	1,51	1,00	1,64
	Среднее ожидаемое еще число детей			
0—30	0,67	0,74	0,77	0,66
40—60	0,80	0,96	0,78	0,90
70—100	0,88	1,16	0,83	1,00
	Среднее ожидаемое число детей у бездетных			
0—30	1,62	2,79	1,58	2,16
40—60	1,80	2,54	1,75	2,46
70—100	1,84	2,74	1,84	2,66

Дополнительное к уже имеющемуся числу детей их ожидаемое число в среднем больше у тех, кто выше оценивает уровень жизни. У респондентов с желаемым числом детей три и более разница между его значениями у тех, кто оценил свой уровень жизни в 70—100 и 0—30 баллов, составляет 0,42 у женщин и 0,34 у мужчин. У тех, кто хотел бы иметь двоих детей, данные различия существенно меньше — 0,21 и 0,06 соответственно. При этом в отличие от ожидаемого всего числа детей (включая имеющихся) и их имеющегося числа дополнительное к имеющемуся среднее ожидаемое число детей дифференцируется по оценке уровня жизни не меньше, чем по желаемому числу детей (табл. 10).

Более высокая оценка уровня жизни является, вероятно, одним из индикаторов благоприятных условий реализации потребности в детях. Поэтому при одинаковом желаемом числе детей ожидаемое число детей в среднем выше. То, что имеющееся число детей в среднем больше у тех, кто ниже оценивает уровень жизни, скорее всего, не является следствием такой оценки, а наоборот, большее имеющееся число детей детерминирует более низкую оценку уровня жизни.

У бездетных респондентов среднее ожидаемое число детей больше при более высокой оценке уровня жизни (у мужчин, которые хотели бы иметь двоих детей, разница между его значениями в группах с высокой и низкой оценкой уровня жизни составляет 0,26, троих и более детей — 0,50, у женщин, которые хотели бы иметь двоих детей, — 0,22). Исключением являются только женщины с желаемым числом детей три и более. При этом среднее ожидаемое число детей дифференцируется по желаемому числу детей в значительно большей мере, чем по оценке уровня жизни (табл. 10).

В основном похожие результаты получены и в социологическом исследовании «Демографическое самочувствие России», проведенном в 2019—2020 гг. (табл. 11).

Таблица 11

**Среднее ожидаемое и имеющееся число детей
в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей
(социологический опрос 2019—2020 гг.)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Группы по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
	Среднее ожидаемое число детей			
1—3	1,52	2,44	1,53	2,67
4—7	1,69	2,39	1,80	2,54
8—10	1,88	2,60	1,85	2,96
	Среднее имеющееся число детей			
1—3	0,98	1,81	0,94	1,50
4—7	0,93	1,43	0,74	1,20
8—10	0,83	1,32	0,65	1,25
	Среднее ожидаемое еще число детей			
1—3	0,54	0,63	0,59	1,17
4—7	0,76	0,96	1,06	1,34
8—10	1,05	1,28	1,20	1,71
	Среднее ожидаемое число детей у бездетных			
1—3	1,33	2,25	1,85	2,78
4—7	1,70	2,63	1,82	2,54
8—10	1,85	2,71	1,89	2,97

У респондентов, выше оценивающих уровень жизни, в среднем больше ожидаемое число детей. В данном исследовании эти различия более значимы, чем в «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения — 2012». В наибольшей мере это проявляется у тех, кто хотел бы иметь двоих детей: разница между значениями среднего ожидаемого числа детей у оценивших уровень жизни в 8—10 и 1—3 балла составляет 0,36 у женщин и 0,32 у мужчин.

Значения среднего ожидаемого числа детей при разном желаемом числе детей различаются значительно в большей мере, чем при разной оценке уровня жизни (табл. 11).

В отличие от ожидаемого имеющееся число детей, наоборот, в среднем меньше при более высокой оценке уровня жизни. Как уже отмечалось, здесь, вероятно, уместно говорить о влиянии имеющегося числа детей на уровень жизни: при относительно большем числе детей, как правило, меньше среднедушевые доходы и соответственно ниже оценка уровня жизни.

Из-за разнонаправленности связи оценки уровня жизни с ожидаемым и имеющимся числом детей различия в значениях дополнительного ожидаемого числа детей при разной оценке уровня жизни существенно больше, чем в значениях ожидаемого числа детей, включая имеющихся. У тех, кто хотел бы иметь двоих детей, разница между значениями дополнительного ожидаемого числа

при оценке уровня жизни в 8—10 и 1—3 балла равна 0,51 у женщин и 0,61 у мужчин, а у тех, кто хотел бы иметь троих детей и более, — 0,65 и 0,54 соответственно.

При этом в отличие от общего ожидаемого числа детей (т. е. включая имеющихся) дополнительное ожидаемое число детей зависит от оценки уровня жизни в большей мере, чем от желаемого числа детей (табл. 11). Похожая ситуация складывается и по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012» (табл. 10). Но данные социологического опроса 2019—2020 гг. показали более выраженную разницу значений среднего ожидаемого еще числа детей в зависимости от этих двух параметров. Однако вряд ли правомерно говорить, что уровень жизни в большей степени, чем желаемое число детей, или хотя бы в равной с ним степени детерминирует ожидаемое число детей. Различия в значениях уже имеющегося числа детей в зависимости от желаемого числа детей больше, чем в зависимости от уровня жизни. При этом следует учитывать, что имеющееся число детей уже реализованная отчасти потребность в детях, тогда как ожидаемые еще дети (плюс к имеющимся) могут родиться, а могут и не родиться.

Вероятно, более точно установить влияние желаемого числа детей и оценки уровня жизни на ожидаемое число детей можно применительно к тем респондентам, которые еще не имеют детей. У них нет обратного влияния числа детей на оценку уровня жизни. По данным социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., у женщин при одинаковом желаемом числе детей, ожидаемое число в среднем больше при более высокой оценке уровня жизни: разница между его значениями в группах с высокой и низкой оценкой уровня жизни составляет 0,52 у тех, кто хотел бы иметь двоих детей, и 0,46 при желаемом числе детей три и более.

У мужчин, которые хотели бы иметь двоих детей, значения среднего ожидаемого числа детей почти не различаются в зависимости от оценки уровня жизни. У тех, кто хотел бы иметь троих детей и более, среднее ожидаемое число детей при высокой оценке уровня жизни существенно больше, но наименьшая его величина имеет место не при низкой оценке уровня жизни, а при средней.

Важно отметить, что значения среднего ожидаемого числа детей различаются в зависимости от желаемого числа детей в существенно большей мере, чем от оценки уровня жизни (табл. 11).

О влиянии оценки уровня жизни на восприятие условий реализации потребности в детях свидетельствуют и данные «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г. (в отличие от предыдущего аналогичного обследования 2012 г. оно проводилось во всех субъектах РФ, но недоступность базы микроданных в настоящее время не позволяет осуществить их дополнительную разработку и анализ, как это было сделано применительно к обследованию 2012 г.). Данные этого обследования показали существенное различие в значениях среднего желаемого и ожидаемого числа детей у респондентов, по-разному оценивших уровень жизни (табл. 12).

Таблица 12

**Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от оценки уровня жизни
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2017»)**

Самооценка уровня жизни	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей		Разница между желаемым и ожидаемым числом детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Очень плохой	2,47	2,16	1,95	1,65	0,52	0,51
Плохой	2,27	2,23	1,90	1,82	0,37	0,41
Средний	2,14	2,16	1,86	1,89	0,28	0,27
Хороший	2,11	2,13	1,90	1,91	0,21	0,22
Очень хороший	1,91	1,92	1,78	1,81	0,13	0,11

При оценке уровня жизни как очень плохого желаемое число детей в среднем превышает ожидаемое на 0,52 у женщин и 0,51 у мужчин, а при его оценке как очень хорошего — на 0,13 и 0,11 соответственно, т. е. при высокой оценке уровня жизни условия воспринимаются как более благоприятные для рождения желаемого числа детей.

Относительно большее в среднем ожидаемое число детей при более высокой оценке уровня жизни, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г., отмечается только у тех респондентов, кто хотел бы иметь двоих детей (табл. 13).

Таблица 13

**Среднее ожидаемое число детей в зависимости от оценки
уровня жизни и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2017»)**

Самооценка уровня жизни	Желаемое число детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
Очень плохой	1,80	2,52	1,57	2,74
Плохой	1,77	2,72	1,75	2,70
Средний	1,81	2,70	1,84	2,72
Хороший	1,86	2,78	1,86	2,83
Очень хороший	2,02	2,68	1,91	2,75

У женщин с желаемым числом детей два, которые оценили уровень жизни как плохой или очень плохой, ожидаемое число детей в среднем равно 1,77 и 1,80 соответственно, а у тех, кто оценил его как очень хороший, — 2,02. У мужчин с таким же желаемым числом детей эти различия еще более существенны: при очень плохой оценке уровня жизни — 1,57, при очень хорошей — 1,91. Как и в рассмотренных выше данных других исследований, значения среднего ожидаемого числа в значительно большей мере различаются в зависимости от желаемого числа детей, чем от оценки уровня жизни (табл. 13).

Важно выявить, чем, кроме суммы денежных доходов, обусловлена оценка уровня жизни. Одним из факторов, ее определяющих, может быть оценка значимости материального благополучия (табл. 14).

Таблица 14

**Оценка уровня жизни в зависимости от среднедушевого дохода
 и значимости материального благополучия
 («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Оценка значимости материального благополучия, баллы					
	Женщины			Мужчины		
	1—3	4	5	1—3	4	5
6000 и менее	48,9	49,8	47,3	45,0	46,7	46,9
6001—10000	55,6	57,9	54,9	54,3	53,5	53,9
10001—15000	57,8	59,5	57,5	57,5	59,6	57,8
Свыше 15000	59,1	57,6	62,7	67,6	60,0	63,6

При более высоком среднедушевом доходе имеет место более высокая оценка уровня жизни (кроме женщин, оценивших значимость материального благополучия в 4 балла). Хотя различия даже между крайними группами по величине дохода сравнительно невелики.

Различия в оценке уровня жизни при разной значимости материального благополучия, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г., незначительны, и поэтому нет оснований говорить о влиянии значимости данного фактора на эту оценку.

Другим фактором, который может влиять на оценку уровня жизни, является уровень притязаний в отношении дохода. Можно предположить, что при одном и том же уровне дохода более высокие притязания детерминируют более низкую оценку уровня жизни. В «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения» 2012 г. задавался вопрос «Сколько рублей нужно Вашей семье на одного человека в месяц, чтобы жить нормальной для нынешних условий жизнью?»⁴

Таблица 15

**Оценка уровня жизни в зависимости от среднедушевого дохода
 и представления о его величине для нормальной жизни
 («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Сколько рублей нужно Вашей семье на одного человека в месяц, чтобы жить нормальной для нынешних условий жизнью?							
	Женщины				Мужчины			
	До 20 тыс.	От 20 до 30 тыс.	От 30 до 40 тыс.	40 тыс. и более	До 20 тыс.	От 20 до 30 тыс.	От 30 до 40 тыс.	40 тыс. и более
6000 и менее	50,5	46,5	45,5	44,1	48,9	45,7	45,5	46,0
6001—10000	60,4	56,7	52,8	51,3	60,0	54,7	52,3	50,6
10001—15000	67,0	59,9	56,8	55,3	66,4	60,2	57,2	55,0
Свыше 15000	66,7	64,5	62,9	61,3	66,4	66,7	64,5	62,6

⁴ Вопрос был предложен профессором Н. В. Зверевой.

В группах респондентов, однородных по величине дохода, необходимого для нормальной жизни, при более высоком среднедушевом доходе имеет место более высокая оценка уровня жизни (табл. 15).

В то же время эта оценка выше и при более низком уровне притязаний в отношении дохода, необходимого для нормальной жизни. Особенно существенно это проявляется у женщин. Среди имеющих среднедушевой доход в семье 6000 руб. и менее разница между оценками уровня жизни в двух крайних группах, различающихся по представлению о величине дохода, составляет, 6,4 балла, при среднедушевом доходе 6001—10 000 руб. — 9,1 балла, 10 001—15 000 руб. — 11,7 балла, свыше 15 000 руб. — 5,4 балла. Причем ни в одной из групп нет нарушения характера связи, т. е. в каждой последующей группе по возрастанию величины дохода, необходимого для нормальной жизни, оценка уровня жизни меньше, чем в предыдущей группе.

У мужчин эти различия существенны в группах со среднедушевым доходом в семье 6001—10 000 руб. (9,4 балла) и 10 001—15 000 руб. (11,4 балла) и значительно меньше в двух крайних группах (табл. 15).

Таким образом, в отличие от значимости материального благополучия представления о доходе, необходимом для нормальной жизни, влияют на оценку уровня жизни: чем величина этого дохода выше, тем субъективная оценка уровня жизни ниже.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Необходимо совершенствование методики анализа влияния уровня жизни на репродуктивные ориентации. У традиционно используемых и, вероятно, наиболее адекватных показателей желаемого и ожидаемого числа детей, включающих уже имеющихся, есть в данном случае некоторые ограничения. Они обусловлены тем, что на желаемое и ожидаемое число детей влияет не только уровень жизни, но и включенное в них имеющееся число детей, от которого зависит как среднедушевой доход, так и оценка уровня жизни. Причем это влияние зачастую разнонаправленное. Избежать его можно используя в качестве объекта исследования только респондентов, не имеющих детей. Но такое ограничение при изучении уровня жизни как одного из важнейших детерминантов репродуктивного поведения вряд ли целесообразно. Использование в качестве основных индикаторов желаемого и ожидаемого еще числа детей (т. е. сверх имеющегося) также вызывает очень большие сомнения. Во-первых, это, если можно так сказать, неполные установки на число детей. Во-вторых, в данном случае возникает еще один фактор, который влияет на данные индикаторы, — имеющееся число детей.

Можно использовать параметры уровня жизни, предшествующие рождению каждого ребенка (примерно за год до него). Но с некоторой степенью приближения это допустимо применять только для показателя доходов. Ретроспективная субъективная оценка уровня жизни будет некорректна. Можно выяснить лишь то, как респондент сейчас оценивает тот уровень жизни, который был у него раньше в те или иные периоды.

Таким образом, методические аспекты анализа влияния уровня жизни на репродуктивные ориентации требуют дополнительных исследований, возможно, поиска новых подходов.

Еще одним ресурсом для увеличения рождаемости могут стать меры материального поощрения мужчин, так как результаты всех трех исследований показывают, что при низком уровне доходов женщины оценивают среднее желаемое/ожидаемое число детей выше, чем мужчины. Напротив, при увеличении уровня доходов мужчины оценивают среднее желаемое/ожидаемое число детей выше, чем женщины.

Демографическая политика, направленная на повышение доходов семей, уровня жизни, будет способствовать увеличению числа детей в них, росту рождаемости. Вывод основан на том, что значительная часть исследований показывает большую в среднем близость желаемого и ожидаемого числа детей у тех, кто выше оценивает уровень жизни. Это дает основания рассматривать более высокую оценку уровня жизни как важный компонент более благоприятных условий реализации потребности в детях. В то же время данная потребность выступает, по сути дела, верхним ограничителем возможного увеличения числа детей в семье.

Значения среднего ожидаемого числа детей в существенно большей мере различаются в зависимости от желаемого числа детей (при одинаковом доходе, одинаковой оценке уровня жизни), чем от уровня жизни (при одинаковом желаемом числе детей). Следовательно, демографическая политика, результатом которой является повышение потребности в детях, была бы значительно более эффективной, чем ориентированная на повышение уровня жизни при неизменной потребности в детях. Влияние на изменение потребности, вероятно, возможно в первую очередь через воздействие на ценностные ориентации. В этой связи важно отметить: результаты исследований показывают, что восприятие уровня жизни с точки зрения степени благоприятности для рождения детей также в существенной мере зависит от ценностных ориентаций.

Таблица 16

Оценка уровня жизни и ценностные ориентации в зависимости от оценки материальных трудностей как помехи к достижению желаемой трехдетности (социологический опрос 2019—2020 гг.)

Мешают ли материальные трудности иметь желаемое число детей	Самооценка уровня жизни, средний балл по шкале 1—10	Значимость, средний балл по шкале 1—5		Разница в значимости материального благополучия семьи и наличия троих детей
		материального благополучия семьи	наличия троих детей	
Женщины				
Очень мешают	6,24	4,87	3,69	1,18
Мешают	7,12	4,80	3,58	1,22
Не мешают	8,06	4,66	4,01	0,65
Мужчины				
Очень мешают	5,92	4,80	3,56	1,24
Мешают	7,27	4,71	3,40	1,31
Не мешают	7,59	4,67	3,71	0,96

По данным всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., у тех респондентов, которые считают, что материальные трудности не являются помехой к рождению желаемых троих детей, не только выше в среднем оценка уровня жизни,

но и несколько ниже значимость материального благополучия, выше значимость наличия троих детей и соответственно существенно меньше разница между ними. Особенно это проявляется у женщин (табл. 16).

Конечно, нужна демографическая политика, призванная как способствовать созданию более благоприятных условий для рождения желаемого числа детей, в частности, через повышение уровня жизни, так и влиять на повышение потребности в детях. Решение первой задачи даст относительно меньший, но быстрый результат, второй — более существенный, но и более отдаленный.

Библиографический список

- Антонов А. И.* Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 271 с.
- Архангельский В. Н.* Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // *Уровень жизни населения регионов России.* 2011. № 8. С. 36—41.
- Белова В., Дарский Л.* Мнения женщин о формировании семьи: (по данным специального опроса работниц нескольких московских предприятий) // *Вестник статистики.* 1968. № 8. С. 27—36.
- Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
- Гокова О. В.* Сравнительный социально-экономический анализ проведения молодежной пронаталистской политики в Германии и Франции // *Вестник Омского университета.* Сер.: Экономика. 2016. № 2. С. 135—144.
- Кабашова Е. В.* О проблеме выбора индикатора уровня жизни населения // *Российский электронный научный журнал.* 2013. № 1. С. 64—73.
- Киселева И. Э.* Рост благосостояния как фактор снижения рождаемости // *Современные проблемы науки и образования: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции.* Эссен: Ученые, 2017. С. 181—191.
- Клупт М. А.* Переосмысливая современную историю рождаемости: семья, государство и мир-система // *Демографическое обозрение.* 2018. Т. 5, № 3. С. 6—24.
- Козлова О. А., Левина Е. И.* Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций // *Журнал экономической теории.* 2019. Т. 16, № 1. С. 144—153.
- Кузьмин А. И.* Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // *Ученые записки Забайкальского государственного университета.* 2013. № 4. С. 62—69.
- Овод А. И.* Исследование влияния экономических факторов на уровень рождаемости в странах Европы // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration.* 2018. Т. 7, № 4. С. 218—221.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи: (по данным социологического исследования) // *Научный результат.* Сер.: Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 117—132.
- Саралиева З. Х., Щекотуров А. В.* «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z» // *Женщина в российском обществе.* 2015. № 3—4. С. 45—58.
- Штилев Д. А.* Использование комплексного гендерного подхода в современной немецкой социологии // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 1. С. 52—60.
- Щепотьева С. В.* Факторы дифференциации репродуктивных установок и рождаемости населения России // *Научное обозрение.* Сер. 1, Экономика и право. 2010. № 6. С. 56—60.
- Beaujouan E., Berghammer C.* The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach // *Population Research and Policy Review.* 2019. Vol. 38, iss. 4. P. 507—535.

- Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives // *Population and Development Review*. Vol. 46, iss. 1. P. 121—144.
- Puig-Barrachina V. et al. Decline in fertility induced by economic recession in Spain // *Gaceta Sanitaria*. 2019. Vol. 34, iss. 3. P. 238—244.
- Salvati L., Carlucci M., Serra P., Zambon L. Demographic Transitions and Socioeconomic Development in Italy, 1862—2009: a brief overview // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, iss. 1. P. 11—12.

References

- Antonov, A. I. (1980) *Sotsiologiya rozhdaemosti* [Birth rate sociology], Moscow: Statistika.
- Arkhangel'skiĭ, V. N. (2011) Vliianie sub'ektivnoĭ otsenki urovnia zhizni na reproduktivnoe povedenie [Influence of subjective assessment of living standards on reproductive behavior], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 8, pp. 36—41.
- Beaujouan, E., Berghammer, C. (2019) The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach, *Population Research and Policy Review*, vol. 38, iss. 4, pp. 507—535.
- Belova, V., Darskiĭ, L. (1968) Mneniia zhenshchin o formirovanii sem'i: (Po dannym spetsial'nogo oprosa rabotnits neskol'kikh moskovskikh predpriatii) [Women's opinions on family formation: (According to a special survey of employees of several Moscow enterprises)], *Vestnik statistiki*, no. 8, pp. 27—36.
- Borisov, V. A. (1976) *Perspektivy rozhdaemosti* [Prospects of fertility], Moscow: Statistika.
- Gokova, O. V. (2016) Sravnitel'nyi sotsial'no-ekonomicheskiĭ analiz provedeniia molodězhnoi pronatalistskoĭ politiki v Germanii i Frantsii [Comparative socio-economic analysis of youth pro-natalist policies in Germany and France], *Vestnik Omskogo universiteta*, seriia Ėkonomika, no. 2, pp. 135—144.
- Kabashova, E. V. (2013) O probleme vybora indikatora urovnia zhizni naseleniia [On the problem of choosing an indicator of the population's standard of living], *Rossiiskii ėlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1, pp. 64—73.
- Kiseleva, I. E. (2017) Rost blagosostoianiia kak faktor snizheniia rozhdaemosti [Growth of welfare as a factor in reducing the birth rate], in: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia: Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Yessentuki, pp. 181—191.
- Klupt, M. A. (2018) Pereosmyslvaia sovremennuiu istoriiu rozhdaemosti: sem'ia, gosudarstvo i mir-sistema [Rethinking the modern history of fertility: the family, the state, and the world-system], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 5, no. 3, pp. 6—24.
- Kozlova, O. A., Levina, E. I. (2019) Rol' sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov v formirovanii demograficheskikh protsessov: ėvoliutsiia teoreticheskikh kontseptsii [The role of socio-economic factors in shaping demographic processes: evolution of theoretical concepts], *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, vol. 16, no. 1, pp. 144—153.
- Kuz'min, A. I. (2013) Sotsial'no-ekonomicheskie faktory rozhdaemosti v svete kontseptsii demograficheskogo perekhoda [Socio-economic factors of birth rate in the light of the concept of demographic transition], *Uchēnye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 62—69.
- Lebano, A., Jamieson, L. (2020) Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives, *Population and Development Review*, vol. 46, iss. 1, pp. 121—144.
- Ovod, A. I. (2018) Issledovanie vliianiia ekonomicheskikh faktorov na uroven' rozhdaemosti v stranakh Evropy [Research on the impact of economic factors on the birth rate in Europe], *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 7, no. 4, pp. 218—221.

- Puig-Barrachina, V. et al. (2019) Decline in fertility induced by economic recession in Spain, *Gaceta Sanitaria*, vol. 34, iss. 3, pp. 238—244.
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020) Pokolencheskie i mezhsranovye razlichii vospitatel'nykh strategii sem'i: (Po dannym sotsiologicheskogo issledovaniia) [Generational and cross-country differences in family educational strategies: (According to a sociological study)], *Nauchnyĭ rezul'tat*, serii Sotsiologiya i upravlenie, vol. 6, no. 2, pp. 117—132.
- Salvati, L., Carlucci, M., Serra, P., Zambon, L. (2019) Demographic transitions and socioeconomic development in Italy, 1862—2009: a brief overview, *Sustainability*, vol. 11, iss. 1, pp. 1—12.
- Saraliev, Z. Kh., Shchekoturov, A. V. (2015) “Ja ne khochu byt' takoi devochkoi, chtoby posudu vseгда myt'”: institutsional'nyi analiz gendernoi chuvstvitel'nosti podrostkov pokoleniia “Z” [“I don't want to be the kind of girl who always wash dishes”: an institutional analysis of the gender sensitivity of generation Z teenagers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 45—58.
- Shchepot'eva, S. V. (2010) Faktory differentsiatsii reproduktivnykh ustanovok i rozhdamosti naseleniia Rossii [Factors of differentiation of reproductive attitudes and birth rate of the Russian population], *Nauchnoe obozrenie*, serii 1, Ekonomika i pravo, no. 6, pp. 56—60.
- Shpilev, D. A. (2013) Ispol'zovanie kompleksnogo gendernogo podkhoda v sovremennoi nemetskoĭ sotsiologii [Using an integrated gender approach in modern German sociology], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 52—60.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, archangelsky@yandex.ru (Cand. Sc. (Economics), Leading Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Sector in the Laboratory of Population Economics and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры социологии, политологии и нормативно-правового регулирования промышленного развития, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Sociology, Political Science and Legal Regulation of Industrial Development, Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russian Federation).

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, директор института истории, международных отношений и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, vasilyevaen@volsu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Director of Institute of History, International Relations and Social Technologies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation).